РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42:81'34:343
ББК Ш105.51+Ш105.1 *ГСНТИ 16.31.61; 16.21.37* *Код ВАК 10.02.19*
DOI 10.26170/pl19-06-21

Э. В. Будаев
Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-2137-1364 ☑

Л. Я. Саввина
Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: — ☑

☑ ***E-mail:*** *aedw@mail.ru; savvina.l@mail.ru.*

Судебная фонетика: становление дисциплины

АННОТАЦИЯ. *В статье рассматривается становление судебной фонетики как междисциплинарной области научных исследований, возникшей на пересечении фонетики и юриспруденции. Авторы определяют хронологические рамки становления дисциплины (начало этого процесса относится к 1930—1940-м гг.), рассматривают значимые уголовные дела и судебные разбирательства, которые продемонстрировали необходимость возникновения судебной фонетики как самостоятельной области теоретических изысканий и прикладных исследований. Несмотря на длительную историю изысканий в данной сфере, термин «судебная фонетика» возник в 1990 году. В современных зарубежных исследованиях выделяется пять основных сфер применения судебной фонетики: улучшение качества речи на аудиозаписи, идентификация пленки, декодирование речи, идентификация голоса и анализ речевого поведения. В ходе одного из первых исследований в данной научной области, проведенного психологом Фрэнсис Мак-Гихи, было доказано, что вероятность ошибки идентификации голоса через несколько лет после его восприятия очень высока, в том числе из-за факта забывания особенностей аудиальной информации с течением времени. Первая попытка комплексного анализа по идентификации голоса связана с исследованием аудиозаписей речей Гитлера после покушения на него с целью выяснить, не произносит ли их имитирующий голос фюрера диктор. В связи с распространением телефонов в 1950—1960-х гг. и появлением новых видов преступлений потребовались годы судебной практики и фонетических экспертиз для проверки (и опровержения) гипотезы об «отпечатках голоса». Отдельное внимание уделяется рассмотрению эволюции методологии дисциплины, демонстрации важности разработки и совершенствования методик исследования. С одной стороны, недостатки методик могут привести к ошибкам в экспертных заключениях, с другой — существуют прецеденты того, как пренебрежение методиками судебной фонетики приводило к трагическим последствиям.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *судебная фонетика; юридическая лингвистика; юридический дискурс; междисциплинарные лингвистические направления.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; e-mail: aedw@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Саввина Людмила Яковлевна, старший преподаватель кафедры земельного и экологического права, Уральский государственный юридический университет; 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21; e-mail: savvina.l@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Будаев, Э. В.* Судебная фонетика: становление дисциплины / Э. В. Будаев, Л. Я. Саввина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 164-170. — DOI 10.26170/pl19-06-21.

Среди междисциплинарных направлений современных лингвистических изысканий значимое место занимает юридическая лингвистика, возникшая на пересечении лингвистики и юриспруденции в США и Великобритании в 60-х гг. XX в. [Будаев, Ворошилова, Руженцева 2017; Будаев, Ворошилова, Чудинов 2019; Будаев 2018, 2019; Ворошилова, Чудинов 2018; Чудинов, Ворошилова 2018]. Важную роль в становлении юридической лингвистики сыграла судебная фонетика, генезис которой до сих пор не имеет системного описания в отечественном научном дискурсе, хотя значимость понимания того, как шла эволюция этой области исследований и какие ошибки встречались на этом пути, сложно переоценить.

Судебная фонетика (Forensic Phonetics) — раздел юридической лингвистики, занимающийся широким спектром фонетических проблем в контексте юридической практики и методологии лингвистической экспертизы. Не будет преувеличением сказать, что важнейшим импульсом для возникновения юридической лингвистики послужили именно проблемы судебной фонетики как в хронологическом аспекте, так и по тому месту, которое фонетические исследования занимали и занимают в юрислингвистических исследованиях до настоящего времени.

© Будаев Э. В., Саввина Л. Я., 2019

Формирование судебной фонетики началось с проблемы идентификации личности по голосу. Один из первых случаев, когда в судебном разбирательстве данный вопрос сыграл важную роль, произошел в США. В 1932 г. был похищен сын Чарльза Линдберга, знаменитого американского летчика, который прославился тем, что совершил первый в истории перелет через Атлантический океан. Ч. Линдбергу поступило требование заплатить выкуп в 50 тысяч долларов в обмен на жизнь сына. Деньги были заплачены, но сына так и не вернули. Через некоторое время был найден труп мальчика, который, как показала экспертиза, был убит через несколько часов после похищения. Спустя некоторое время полиция задержала некого Бруно Хауптмана, чей почерк оказался похож на почерк, которым было написано требование о выкупе. Общественное возбуждение было столь велико, что возникла большая обеспокоенность в связи с тем, что власти не смогут защитить подозреваемого. Через два года во время судебного разбирательства Ч. Линдберг заявил, что он опознал голос Б. Хауптмана, который он слышал дважды до этого (один раз по телефону, в другой раз во время краткой встречи в ночной темноте). Б. Хауптман был признан виновным в похищении и преднамеренном убийстве и казнен на электрическом стуле.

Мало кто сомневался в верности идентификации голоса Ч. Линдбергом, кроме психолога Фрэнсис Мак-Гихи. Последнюю заинтересовал не вопрос виновности или невиновности Б. Хауптмана (были и другие улики, помимо заявления Ч. Линдберга), а возможность идентификации голоса спустя такое длительное время. Она провела несколько исследований [McGehee 1937, 1944], в которых было показано, что вероятность ошибки идентификации голоса через несколько лет после его восприятия очень высока.

В первом исследовании Фрэнсис Мак-Гихи человек (читающий № 1), стоя за непрозрачным экраном, читал вслух отрывок текста из 56 слов. Слушатели (740 студентов) были разделены на 15 различных групп, каждая из которых была предназначена для разных вариаций эксперимента. В целом процедура идентификации была простой: сначала члены каждой группы слушали голос читающего № 1, а затем снова слушали эту же фразу, которую зачитывали пять человек, среди которых был читающий № 1. Слушатели должны были записать номер человека, которого, по их мнению, они слышали изначально.

Фрэнсис Мак-Гихи повторяла эту процедуру через 1, 2 и 3 дня, затем через 1, 2, 3 недели и через 1, 3 и 5 месяцев (для разных временных показателей использовались разные группы испытуемых, для чего понадобилось столь большое число студентов).

Помимо временного параметра, анализировалась зависимость успешной идентификации от таких факторов, как пол слушателя, наличие иностранного акцента, намеренное искажение голоса оратором и т. п. Основной же результат, полученный исследователем — констатация факта банального забывания особенностей аудиальной информации с течением времени. 83 % испытуемых верно идентифицировали голос оратора через 1 день после первого предъявления аудиотекста, но уже через две недели этот показатель был равен 68 %, через три месяца — 35 %, через 5 месяцев — всего 13 % [McGehee 1937]. Во втором исследовании Ф. Мак-Гихи [McGehee 1944] процедура эксперимента была усложнена, но полученные результаты подтвердили ранние изыскания.

Во время Второй мировой войны актуальность проблемы идентификации голоса только усилилась. Среди примеров привлечения фонетистов к решению задач подобного рода — дело о заговоре немецких генералов против Адольфа Гитлера, который привел к покушению на фюрера 20 июля 1944 г. В этот день в «Волчьем логове», главной ставке А. Гитлера, находившейся в Восточной Пруссии, произошел взрыв, в результате которого погибло несколько штабных офицеров.

О попытке свержения нацистского правительства стало известно во всем мире, однако одни считали, что Гитлер погиб, другие же больше доверяли данным министра пропаганды Йозефа Геббельса. Было ясно, что агенты стран-союзников получили задание выяснить правду, но на его выполнение понадобилось бы довольно много времени.

Гитлер много лет выступал с речами, и значительное количество из них было записано и сохранено. После покушения кто-то продолжал произносить речи от имени Гитлера, но был ли это фюрер или кто-то другой, имитирующий его голос, никто среди союзников по антигитлеровской коалиции не знал. Для решения проблемы было привлечено несколько групп американских исследователей, которые могли бы проводить сравнения старых и новых записей нацистского лидера. Одна из этих групп состояла из нескольких фонетистов и инженеров, работавших в Университете Пердью (штат Индиана, США). Эту группу возглавил доктор М. Стир, под руководством которого исследователи уже не один год анализировали выступления Теодора Рузвельта, Франклина

Рузвельта, Невилла Чемберлена, Бенито Муссолини и Адольфа Гитлера. Перед группой была поставлена задача определить, принадлежит ли голос человека, произносившего речи от имени Гитлера после покушения, действительно Адольфу Гитлеру.

Сложность поставленной задачи заключалась в том, что исследователи имело дело с голосом человека, который на протяжении многих лет подвергался психиатрической терапии, что не может не отразиться на голосе. Вторая сложность была связана с низким качеством аудиозаписей того времени. Комбинируя собственно фонетические методы и технические возможности существовавшего тогда оборудования, исследователи пришли к выводу, что именно голос А. Гитлера звучит на последних аудиозаписях, что позднее подтвердили данные разведки. Это была первая попытка комплексного анализа по идентификации голоса (в зарубежной науке это направление исследований стало обозначаться аббревиатурой SPID — от словосочетания Speaker Identification and Detection).

Крупным центром, работавшим в данном направлении в 40-е гг. XX в., были Лаборатории Белла (Bell Laboratories). Ученые этого исследовательского центра создали «Сонаграф» (Sonagraph), разновидность звукового спектрографа, позволявшую представлять голосовую информацию в графическом виде. Данное изобретение инициировало разработку метода визуального анализа речи, применявшегося для идентификации по «отпечаткам голоса» (voiceprint identification; подобно идентификации по отпечаткам пальцев) [Potter 1945; Potter et al. 1947]. В те годы подобные исследования проводились и в СССР (описанные, в частности, по воспоминаниям о спецтюрьме МВД-МГБ в романе А. Солженицына «В круге первом»).

В послевоенные десятилетия наблюдается активное применение процедур фонетического анализа в полицейских расследованиях. Так, значительное распространение получило аудиальное опознание, на которое возлагали большие надежды, полагая, что оно столь же достоверно, как и визуальное опознание. К сожалению, работники полиции не имели достаточной квалификации, да и теоретических работ и прикладных исследований было явно недостаточно. В результате техники аудиального опознания варьировались от участка к участку в зависимости от представлений полицейских о том, как должна происходить данная процедура. В результате такой практики стало нарастать количество ошибок и проблем, повлекших за собой критику аудиального опознания со стороны ученых [Brandt 1977; Hollien 1990; Künzel 1987; Michel 1980; Nolan 1983; Stevens 1971; Yarmey 1995].

В 1950-1960-е гг. наблюдается рост преступлений, связанных с использованием телефонов, которые получали все большее распространение. Технический прогресс упростил коммуникацию между людьми, но одновременно привел к тому, что телефон стали использовать для анонимных угроз, предупреждений о заложенной бомбе и т. п., что заставило полицию искать методы борьбы с этими правонарушениями. В этой связи правоохранителей привлекла статья бывшего ассистента из Лабораторий Белла Л. Керсты, опубликованная в журнале *Nature* [Kersta 1962]. В работе шла речь об идентификации личности по «отпечаткам голоса», которые теоретически могли бы быть столь же достоверным методом идентификации личности, как и отпечатки пальцев. Идея об «отпечатках голоса» быстро набирала популярность, но мало кто понимал, что в основе этой аналогии лежит метафора, которая формировала ложное представление о действительности. Гипотеза о том, что существуют отпечатки голоса, оказалась неверной, но для того, чтобы это доказать, понадобились годы судебной практики и фонетических экспертиз. Научное опровержение идеи отпечатков голоса было предложено в монографии Оскара Тоси, в которой была показана несостоятельность данной гипотезы с помощью серии экспериментов [Tosi 1979].

Параллельно идее об «отпечатках голоса» в 60-е гг. проводились эксперименты по верификации степени достоверности опознания свидетелями голосов. Начало подобным опытам положила еще Ф. Мак-Гихи в 1937 г. в связи с делом Ч. Линдберга, продемонстрировав, что два года являются слишком большим сроком для достоверного аудиального опознания. Дальнейшее развитие это направление исследований получило у П. Брикера и С. Прузански. В отличие от Ф. Мак-Гихи, экспериментаторы предлагали испытуемым не текст, а несколько слогов. Как выяснилось, 98 % слушателей верно идентифицировали визуально не наблюдаемых ораторов при повторной процедуре аудиальной идентификации, но уже на следующий день только 56 % испытуемых смогли успешно справиться с этой задачей [Bricker, Pruzansky 1966]. Эти данные показывают, что чем короче аудиотекст, тем быстрее свидетели теряют способность к верной идентификации голоса.

Указанные экспериментальные изыскания внесли значимый вклад в становление юридической лингвистики, но самый первый случай экспертной идентификации личности по голо-

су произошел в суде Уинчестера в 1965 г. Экспертом выступил известный британский лингвист С. Эллис, который по праву считается пионером судебной экспертизы аудиозаписей.

Британский ученый Стэнли Эллис был хорошо известен не только специалистам-филологам. Рядовые британцы хорошо знали Стэнли Эллиса благодаря увлекательным радиопередачам, которые он вел с целью популяризации диалектологии. В своих программах лингвист беседовал с местными жителями из разных районов Великобритании, обсуждая вопросы фольклора и диалектного разнообразия английского языка.

Стэнли Эллис, выпускник Кембриджского университета, служил штурманом Королевских ВВС до конца Второй мировой войны. После войны молодой исследователь работал в Лидском университете, где и защитил диссертацию о линкольнширском диалекте английского языка. Его дружелюбная и лишенная напыщенности манера общения сделала его идеальным кандидатом для участия в исследовательском проекте, посвященном исследованию британских диалектов в деревенской местности. Более десяти лет С. Элисс разъезжал по Великобритании и проводил интервьюирование местных жителей, собрав, помимо прочего, большую фонотеку, отражающую региональные особенности британской речи. Результаты полевых исследований С. Эллиса и его коллег в 313 районах Великобритании нашли отражение в четырехтомнике «Survey of English Dialects» [1962—1971], который стал фундаментальным трудом по британской диалектологии.

В 1967 г. исследователь стал первым в истории судебным экспертом, который провел успешную идентификацию личности по аудиозаписи. С тех пор С. Элисс регулярно участвовал в судебных заседаниях, требующих лингвистической экспертизы магнитофонных записей. В июне 1979 г. С. Эллис выступил в качестве эксперта по делу «Йоркширского потрошителя» Питера Сатклиффа. Напомним эту историю, ярко иллюстрирующую цену пренебрежения научной экспертизой.

В октябре 1975 г. в британском городе Лидс неподалеку от дома был обнаружен труп Виломены Маккен. Как установили полицейские, жертва работала проституткой и была оглушена ударом тяжелого предмета по голове, а потом изрезана ножом. Через три месяца рядом с лидским парком развлечений была обнаружена вторая жертва преступника — Эмили Джексон, замужняя женщина, которая также подрабатывала проституцией. Почерк преступления не оставлял сомнения, что убийцей был один и тот же человек.

Расследование шло без особого успеха. Женщины легкого поведения неохотно шли на контакт с полицией, а добропорядочные граждане не очень сочувствовали жертвам, считая случившееся закономерным возмездием за аморальное поведение. Несмотря на то, что было опрошено более 7 тысяч человек, следствие оказалось в тупике. Более того, начальнику полиции графства Уэст-Йоркшир пришло издевательское письмо, в котором автор признавался в убийствах Виломены Маккен и некой Джоан Харрисон, которая была изнасилована и до смерти забита ногами в ноябре 1975 г. Криминалисты не связывали эти преступления, так как Джоан Харрисон не была проституткой, а убийство было осуществлено без оружия. Автор анонимного письма обещал продолжить свое кровавое дело и утверждал, что его никогда не поймают, как не поймали когда-то Джека-потрошителя. Криминалисты пришли к выводу, что человек, написавший письмо и представившийся «Йоркширским потрошителем», не является убийцей, но это прозвище прочно закрепилась за маньяком в общественном дискурсе.

Через несколько месяцев в Лидсе произошло еще одно нападение на проститутку, при этом жертва осталась жива, но из-за травмы головы мало что могла рассказать о маньяке. Вместе с тем обстоятельства преступления не оставляли сомнений, что это очередное преступление Йоркширского потрошителя.

Летом 1977 г. 16-летняя Джейн Макдональд возвращалась с дискотеки домой в компании друзей по ночному Лидсу. В какой-то момент она и ее товарищ отделились от остальных и направились в сторону дома Джейн. Однако до дома они не дошли — в ходе возникшей размолвки молодой человек бросил подругу посреди улицы. Оставшись одна, Джейн попыталась вызвать такси, но находившийся поблизости телефон-автомат оказался сломан. На следующий день тело убитой было обнаружено недалеко от места расставания подростков.

В отличие от предыдущих жертв, Джейн Макдональд не была проституткой. Теперь в общественном сознании сложилось четкое представление о том, что любая женщина является потенциальной жертвой Йоркширского потрошителя. Маньяк из Лидса стал самым разыскиваемым преступником Великобритании. На его поимку были брошены беспрецедентные силы, но Йоркширский потрошитель оставался для полиции невидимкой.

Информацию о маньяке разместили в СМИ, рассчитывая на самое широкое участие общества в розыске преступника. Од-

нако результат привлечения СМИ дал неожиданный побочный эффект. В полицию стало поступать настолько большое количество писем с подозрениями и догадками, что в полиции едва успевали их читать. Было среди этого потока и письмо от человека, хорошо знавшего Питера Сатклиффа и приводившего серьезные доводы для своих подозрений. Однако в полиции на это сообщение, способное прекратить череду кровавых событий, не обратили должного внимания (это обстоятельство впоследствии привело к отставке министра МВД).

Игнорируя подобные сообщения граждан, криминалисты тщательно изучали многочисленные «послания от Йоркширского потрошителя», большинство из которых были написаны психически больными людьми, не имеющими отношения к делу. Среди этих посланий была аудиокассета, в которой «маньяк» насмехался над полицией, не способной его поймать уже на протяжении четырех лет.

Криминалисты, считавшие, что на аудиозаписи звучит голос серийного убийцы, предложили провести экспертизу магнитофонной записи Стэнли Эллису, который уже давно сотрудничал с полицией и спецслужбами. Опытный лингвист провел анализ речи и без труда определил, что голос на аудиозаписи принадлежит жителю Северо-Восточной Англии, о чем свидетельствовал его уирсайдский акцент. Лингвист конкретно указал на маленькую деревню на окраине Сандерленда, откуда происходил говоривший. Опираясь на эти данные, С. Эллис заявил, что голос на аудиозаписи принадлежит не Йоркширскому потрошителю, а фальсификатору, живущему далеко от Лидса [Ellis 1994]. Однако полицейские, безуспешно искавшие серийного убийцу в Западном Йоркшире, иначе восприняли экспертную оценку, и в очередной раз пошли по ложному следу, отсрочив поимку убийцы на несколько лет.

Как выяснилось позже, автором аудиописьма действительно был фальсификатор Джон Хамбл (впоследствии прозванный по месту жительства «Уирсайдский Джек»), который в течение нескольких лет посылал в полицию письма от имени «Йоркширского потрошителя». Сам же Питер Сатклифф посланий полицейским никогда не отправлял, что стало известно после его поимки. Оказавшись за решеткой, серийный маньяк некоторое время успешно симулировал шизофрению, хорошо зная ее симптомы (этой болезнью болела жена П. Сатклиффа), но в итоге был приговорен к пожизненному заключению.

Долгое время фальсификатор Джон Хамбл оставался на свободе и только в 2006 г. «Уирсайдский Джек» предстал перед судом. За изготовление фальшивых писем и аудиозаписи, которые «препятствовали правосудию», фальсификатор был приговорен к восьми годам тюремного заключения. Джон Хамбл всю жизнь прожил в том самом месте, на которое диалектолог С. Эллис указывал еще в 1979 г. Таким образом, данные, полученные С. Эллисом в ходе фонетического анализа речи, полностью подтвердились. Вместе с тем их неумелое использование не позволило ускорить поимку серийного убийцы и предотвратить новые жертвы.

Теоретическая и практическая значимость судебной фонетики давно не вызывает сомнения, но, как это ни парадоксально, название для столь актуальной области исследований появилось относительно недавно. Термин *судебная фонетика* (*Forensic Phonetics*) возник в 1990 г., когда вышла фундаментальная работа Г. Холлиена в области идентификации голоса — монография «Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics» («Акустика преступления: новая наука судебная фонетика») [Hollien 1990]. Уже в названии работы автор заявляет о возникновении новой научной дисциплины — судебной фонетики. В указанной монографии были детально рассмотрены самые разнообразные акустические аспекты речи, релевантные для расследования преступлений.

В 2002 г. вышла еще одна монография Г. Холлиена [Hollien 2002], целью которой, по словам автора, было примирение между инженерами, работающими в сфере акустики, и лингвистами. Первые традиционно считают, что лингвистам недостает знаний в математике и технических характеристиках оборудования, вторые указывают на недостаток у «технарей» понимания психологических и фонетических особенностей проводимых экспериментов. Ирония заключается в том, что те и другие правы, поэтому на практике этим двум группам профессионалов не обойтись друг без друга. Совмещая анализ лингвистических и технических аспектов фонетической экспертизы, Г. Холлиен выделил пять основных сфер применения судебной фонетики: улучшение качества речи на аудиозаписи, идентификация пленки, декодирование речи, идентификация голоса и анализ речевого поведения.

К настоящему моменту судебная фонетика представляет собой сформировавшуюся научно-практическую дисциплину, со своим предметом, комплексной методологией исследования и высокой практической значимостью. Вместе с тем многие теоретико-методологические и практические проблемы в этой области еще только предстоит решить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины // Политическая лингвистика. 2019. № 1. С. 122—126.
2. Будаев Э. В. Становление юридической лингвистики в зарубежных странах // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 20 дек. 2018 г.) / отв. ред. Р. А. Газизов. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 300—306.
3. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Руженцева Н. Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2017. — 201 с.
4. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б, Чудинов А. П. Анализ прецедентного высказывания в рамках судебной лингвистической экспертизы: зарубежный и российский опыт // Юрислингвистика. 2019. № 11 (22). С. 29—32.
5. Ворошилова М. Б., Чудинов А. П. Исследование метафоры в рамках судебной экспертизы // Язык. Право. Общество : сборник статей V Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. В. Барабаш. — Пенза : Пензен. гос. ун-т, 2018. С. 23—26.
6. Чудинов А. П., Ворошилова М. Б. Судебная лингвистика как научное направление: исследование конфликтной коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 182—184.
7. Brandt J. F. Can You Hear Me? // Forensic Communication. 1977. Vol. 2. P. 9—11.
8. Bricker P., Pruzansky S. Effects of Stimulus Content and Duration on Talker Identification // The Journal of the Acoustical Society of America. 1966. Vol. 40. P. 1441—1450.
9. Ellis S. The Yorkshire Ripper enquiry: Part I // Forensic Linguistics. 1994. Vol 1, No 2. P. 197—206.
10. Hollien H. Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics. — New York : Plenum Pr., 1990. 370 p.
11. Hollien H. Forensic Voice Identification. — New York : Academic Press, 2002. 240 p.
12. Kersta L. Voiceprint Identification // Nature. 1962. Vol. 196. P. 1253—1257.
13. Künzel H. Sprecher-Erkennung: Grundzüge forensischer Sprachverarbeitung. — Heidelberg : Kriminalistik-Verlag, 1987. 237 S.
14. McGehee F. An Experimental Study of Voice Recognition // Journal of General Psychology. 1944. Vol. 31. P. 53—65.
15. McGehee F. The Reliability of the Identification of the Human Voice // Journal of General Psychology. 1937. Vol. 17. P. 249—271.
16. Michel J. F. Use of a Voice Lineup // American Academy Forensic Science. — New Orleans, 1980. February, 937A.
17. Nolan F. The Phonetic Bases of Speaker Recognition. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1983. 221 p.
18. Potter R. Visible Patterns of Speech // Science. 1945. November. P. 463—470.
19. Potter R., Kopp G., Green H. Visible Speech. — New York : Van Nostrand, 1947. 441 p.
20. Stevens K. N. Sources of inter- and intra-speaker variability in the acoustic properties of speech sounds // Proceedings of the Seventh International Congress on Phonetic Sciences. — Montreal, 1971. P. 206—232.
21. Survey of English Dialects: Basic Materials / H. Orton [et al.]. Leeds: E. J. Arnold & Son, 1962—1971. Vol. 1—4.
22. Tosi O. Voice Identification: Theory and Legal Applications. — Baltimore, MD : University Park Press, 1979. 182 p.
23. Yarmey A. D. Earwitness speaker identification // Psychology, Public Policy, Law. 1995. Vol. 1. P. 792—816.

E. V. Budaev
Ural State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: — ☑

L. Ya. Savvina
Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-2137-1364 ☑

☑ ***E-mail:*** *aedw@mail.ru; savvina.l@mail.ru.*

Forensic Phonetics: Genesis of a Discipline

ABSTRACT. *The article deals with the development of forensic phonetics as an interdisciplinary research area which has emerged on the borderline between phonetics and law studies. The authors determine the time frames of the discipline development (the beginning of this process dates back to the 1930s – 1940s) and analyze significant criminal cases and court proceedings which have demonstrated the need to single out forensic phonetics as a separate area of theoretical research and applied studies. Irrespective of a long history of research in the area under study, the term "forensic phonetics" was coined as late as 1990. Modern foreign studies single out five main spheres of application of forensic phonetics: improvement of the quality of audio texts, audio text identification, audio text transcription, voice identification and verbal behavior analysis. In the course of one of the first studies in the given research area undertaken by the psychologist Francis McGachey it was proved that the chances of misidentification of voice after some years of its perception are rather high, and specifically due to the fact of forgetting the peculiarities of audio information after some time. The first attempt at comprehensive analysis aimed at voice identification is associated with the study of the audio speeches of Hitler after the attempt at his assassination in order to find out lest they had been recorded by a professional phonetician imitating Hitler's voice. With the spread of the telephone in the 1950s – 1960s and the emergence of many new kinds of crimes, years and years of forensic phonetic practice and phonetic expertise were necessary to test (and finally reject) the hypothesis about the "voice prints". Special attention is paid to the analysis of the discipline methodology and the demonstration of the importance of working out and perfection of the methods of research. On the one hand, inaccurate methods may lead to errors in expert conclusions, on the other hand – there are precedents when disregard of the methods of forensic phonetics brought about tragic consequences.*

KEYWORDS: *forensic phonetics; legal linguistics; legal discourse; interdisciplinary branches of linguistics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages, Theory and Methods of their Teaching, Ural State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Savvina Lyudmila Yakovlevna, Senior Lecturer of Department of Land and Ecological Law. Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Budaev, E. V.* Forensic Phonetics: Genesis of a Discipline / E. V. Budaev, L. Ya. Savvina // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 164-170. — DOI 10.26170/pl19-06-21.

REFERENCES

1. Budaev E. V. Forensic Linguistics Abroad: Establishment of the Subject // Political Linguistics. 2019. No 1 (73). P. 122—126. [Zarubezhnaya yuridicheskaya lingvistika: genezis distsipliny // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 1. S. 122—126]. — (In Rus.)
2. Budaev E. V. Formation of legal linguistics in foreign countries // Language units in the light of modern scientific paradigms: materials of IV All-Russian Scientific-practical Conf. (Ufa, Dec. 20, 2018) / resp. ed. R. A. Gazizov. — Ufa : RIC of BashSU, 2018. P. 300—306. [Stanovlenie yuridicheskoy lingvistiki v zarubezhnykh stranakh // Yazykovye edinitsy v svete sovremennykh nauchnykh paradigm: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Ufa, 20 dek. 2018 g.) / otv. red. R. A. Gazizov. — Ufa : RITs BashGU, 2018. S. 300—306]. — (In Rus.)
3. Budaev E. V., Voroshilova M. B., Ruzhentseva N. B. The evolution of linguistic expertise: methods and techniques: monograph. / Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2017. 201 p. [Evolyutsiya lingvisticheskoy ekspertizy: metody i priemy : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2017. — 201 s.]. — (In Rus.)
4. Budaev E. V., Voroshilova M. B, Chudinov A. P. Analysis of case-law utterance in the framework of forensic linguistic examination: foreign and Russian experience // Jurislingistics. 2019. No 11 (22). P. 29—32. [Analiz pretsedentnogo vyskazyvaniya v ramkakh sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy: zarubezhnyy i rossiyskiy opyt // Yurislingvistika. 2019. № 11 (22). S. 29—32]. — (In Rus.)
5. Voroshilova M. B., Chudinov A. P. The study of metaphor in the framework of forensic examination // Language. Right. Society : collection of articles of the V Intern. Scientific-practical Conf. / under total. ed. of O. V. Barabash. — Penza : Penza State Univ., 2018. P. 23—26. [Issledovanie metafory v ramkakh sudebnoy ekspertizy // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sbornik statey V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod obshch. red. O. V. Barabash. — Penza : Penzen. gos. un-t, 2018. S. 23—26]. — (In Rus.)
6. Chudinov A. P., Voroshilova M. B. Forensic Linguistics as a Scientific Field: Conflict Communication Study // Political Linguistics. 2018. No 4 (70). P. 182—184. [Sudebnaya lingvistika kak nauchnoe napravlenie: issledovanie konfliktnoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 4 (70). S. 182—184]. — (In Rus.)
7. Brandt J. F. Can You Hear Me? // Forensic Communication. 1977. Vol. 2. P. 9—11.
8. Bricker P., Pruzansky S. Effects of Stimulus Content and Duration on Talker Identification // The Journal of the Acoustical Society of America. 1966. Vol. 40. P. 1441—1450.
9. Ellis S. The Yorkshire Ripper enquiry: Part I // Forensic Linguistics. 1994. Vol 1, No 2. P. 197—206.
10. Hollien H. Acoustics of Crime: The New Science of Forensic Phonetics. — New York : Plenum Pr., 1990. 370 p.
11. Hollien H. Forensic Voice Identification. — New York : Academic Press, 2002. 240 p.
12. Kersta L. Voiceprint Identification // Nature. 1962. Vol. 196. P. 1253—1257.
13. Künzel H. Sprecher-Erkennung: Grundzüge forensischer Sprachverarbeitung. — Heidelberg : Kriminalistik-Verlag, 1987. 237 S.
14. McGehee F. An Experimental Study of Voice Recognition // Journal of General Psychology. 1944. Vol. 31. P. 53—65.
15. McGehee F. The Reliability of the Identification of the Human Voice // Journal of General Psychology. 1937. Vol. 17. P. 249—271.
16. Michel J. F. Use of a Voice Lineup // American Academy Forensic Science. — New Orleans, 1980. February, 937A.
17. Nolan F. The Phonetic Bases of Speaker Recognition. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1983. 221 p.
18. Potter R. Visible Patterns of Speech // Science. 1945. November. P. 463—470.
19. Potter R., Kopp G., Green H. Visible Speech. — New York : Van Nostrand, 1947. 441 p.
20. Stevens K. N. Sources of inter- and intra-speaker variability in the acoustic properties of speech sounds // Proceedings of the Seventh International Congress on Phonetic Sciences. — Montreal, 1971. P. 206—232.
21. Survey of English Dialects: Basic Materials / H. Orton [et al.]. Leeds: E. J. Arnold & Son, 1962—1971. Vol. 1—4.
22. Tosi O. Voice Identification: Theory and Legal Applications. — Baltimore, MD : University Park Press, 1979. 182 p.
23. Yarmey A. D. Earwitness speaker identification // Psychology, Public Policy, Law. 1995. Vol. 1. P. 792—816.